

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/52/1

Г.Г. Антух

КРИТИКА АНТИФИЗИКАЛИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Рассматривается проблема философских оснований теории сознания в контексте соотношения философии и науки. В кратком обзоре развития позитивистских взглядов раскрывается вопрос о практической пользе метафизики. Обсуждается специфика ортодоксальной доктрины О. Конта, верификационистской эпистемологии, принятой в логическом позитивизме, принципа фальсифицируемости К. Поппера в постпозитивизме. На основании представленных концепций формулируется общее правило демаркации научной и философской проблематики. Данное правило распространяется на антифизикалистскую доктрину в философии сознания, что позволяет выявить спекулятивный контекст в современных дискуссиях об онтологическом статусе сознательного опыта. Делается вывод о ненаучности и бесперспективности антифизикалистского подхода к вопросу о единой теории сознания.

Ключевые слова: теория сознания, метафизика, позитивизм, антифизикализм, Д. Деннет, Д. Чалмерс

Возможно ли построить работающую теория сознания? Вопрос, на который большинство известных философов-теоретиков, специализирующихся в области философии сознания и когнитивистики, отвечают положительно. Примечательно, что в то время как одни исследователи заняты построением такой теории [1], другие методично критикуют первых [2], ссылаясь на недостаточную обоснованность их аргументации. Доводы вторых не более убедительны, но, что немаловажно, хорошо продуманы в том самом смысле, в котором перед взыскательным взором предстает хорошо продуманная спекуляция ума. Оправданно ли упрекать философское учение в умозрительности? Достаточно вспомнить, что многие по-настоящему грандиозные прозрения в истории философии и науки случались после продолжительных спекулятивных штудий. Впрочем, не пора ли определиться с действительно важным вопросом: какой должна быть теория сознания – эмпирической или спекулятивной? Как представляется, консенсус на этот счет давно достигнут: сознание – естественный феномен; теория, объясняющая работу сознания, должна опираться на методы эмпирического естествознания. Надо сказать, сомнений по этому поводу не возникает ни у одной из сторон – и у тех, кто занят разработкой теории сознания, и в большинстве случаев у тех, кто последовательно объясняет первым ошибочность их предприятия. Тем не менее и первые и вторые раз за разом возвращаются к вопросу об онтологическом статусе сознания, где эмпирические доводы никак не согласуются со спекулятивным картезианским мифом.

Основной вопрос, который предстоит обсудить в свете заявленной темы: возможна ли наука без философии? Следовало бы уточнить, о какого рода философии идет речь. Не нарушая традиции, поговорим о практической значимости метафизики. Под метафизикой, в свою очередь, будем понимать основанное на априорных предпосылках мышления учение о границах реальности и возможностях [человеческого] познания. Пожалуй, одним из самых масштабных проектов в истории западной философии, в задачи которого входил вопрос о практической пользе метафизики, стал позитивизм. В общем виде позитивизм – это философская концепция, отстаивающая приоритетную ценность науки перед метафизическим, т.е. философским и религиозным, знанием. Именно в таком ключе первый позитивизм предстал в учении его родоначальника О. Конта [3].

Суть радикальной позиция Конта может быть сведена к нескольким тезисам: позитивная наука представляет абсолютную ценность; метафизика не несет практической пользы и мешает развитию науки; метафизическая проблематика должна быть исключена из науки. Причина тому следующая: на позитивной стадии развития общества архаичные формы религиозного мышления и абстрактные принципы, вырабатываемые философией, сменяются научными законами. Научный закон с точки зрения позитивизма задается признаком повторяемости явлений в опыте и не претендует на объяснение сущности тех или иных феноменов. Смешение метафизической и научной проблематики порождает путаницу и неопределенность, что обесценивает научное знание. Следовательно, на метафизику должен быть наложен запрет, от чего, по замыслу Конта, наука только выиграет. Но, как оказалось, признание позитивистских тезисов невозможно без частичного их отрицания [4].

Рассмотрим некоторые уязвимые места контовской доктрины. Первое замечание касается аксиологической характеристики познания. Если наука представляет высшую ценность, а вопрос о ценностях есть вопрос философский, то утверждение о приоритетной ценности науки выходит за рамки научного обсуждения, а значит, не имеет силы. Следующее замечание связано с запретом метафизики. Несложно понять, что рефлексивное утверждение о бесплодности метафизики является суждением ненаучным. Не найдется ни одного эмпирического довода, подкрепляющего или опровергающего данное суждение. По существу, накладывая запрет на метафизику, Конт накладывал запрет на собственное утверждение об этом запрете. Более того, курс на «очищение» науки от метафизики через эмпиризм и феноменализм не мог бы состояться в отрыве от философских установок – эмпиризма и феноменализма. И это еще одно очевидное, но далеко не последнее противоречие радикальной позитивистской линии. Впрочем, указанных замечаний достаточно, чтобы проследить непоследовательность контовской доктрины. Недочеты этой позиции частично устранили логические позитивисты.

Особенностью логического позитивизма становится применение методов логического анализа языка в решении философских задач. Одна из таких задач сводилась к построению семантической модели, адекватно отражающей картину реальности. Убедительная попытка решения данной проблемы нашла свое воплощение в доктрине логического атомизма Л. Витгенштейна [5]. Центральной идеей концепции «раннего» Витгенштейна выступает положение об изоморфизме логической формы предложения и онтологической

структуры факта. Из этого в общем виде следует, что знание о мире детерминировано лингвистическим опытом и им же ограничено. По выражению самого философа, «границы моего языка означают границы моего мира» [5. С. 56]. Синтаксическое и семантическое строение языка в концепции Витгенштейна диктуется необходимостью логического соответствия частей предложения.

Приоритетное эпистемологическое значение Витгенштейн отдает осмысленным предложениям. Осмысленными предложениями признаются высказывания, которым в физическом мире может быть сопоставлено известное положение вещей. Например, высказывание «Сейчас за окном идет снег» является осмысленным, а такое предложение, как «Человек есть мера всех вещей», осмысленным не является, потому как в первом случае физический коррелят декларируемого в высказывании положения вещей может быть обнаружен в опыте, во втором – нет. Стало быть, знание о мире, согласно «раннему» Витгенштейну, ограничивается верифицируемыми предложениями. Все остальные высказывания лишены смысла, так как ни на что в действительности не указывают, даже если и имеют внешнее подобие осмысленных суждений. К бессмысленным высказываниям, помимо прочего, относятся утверждения религии и философии. Таким образом, в логическом позитивизме формулируется критерий демаркации научного и ненаучного знания.

Нужно ли говорить о концептуальных разночтениях учения «раннего» Витгенштейна, если сам автор точно обозначил вероятные претензии в сторону собственной доктрины? В целом верификационистская модель познания, принятая в логическом позитивизме, является удобной мишенью для критики. Не считая специальных аргументов, демонстрирующих слабость референциалистской семантики, поводом к критике концепции верификации становится ее самопротиворечивость. Суть такова: если все имеющие смысл суждения должны быть проверяемыми, то это суждение также должно быть проверяемым; в противном случае оно не имеет смысла. Проще говоря, процедура верификации имеет смысл только в том случае, если самому понятию смысла в физическом мире найдется однозначное соответствие. Поскольку такого соответствия не существует, процедура верификации теряет смысл. Примерно так может быть продемонстрирована слабость верификационистской эпистемологии. Недостатки данного подхода попытались устранить постпозитивисты.

В работе «Логика научного исследования» К. Поппер предлагает замену верификационистской модели демаркации научного и ненаучного знания [6]. В качестве критерия объективного знания он выдвигает принцип фальсифицируемости. Согласно данному принципу, научным признается такое знание, которое может быть опровергнуто. Точнее, научная теория, по мнению Поппера, не должна быть принципиально непроверяемой. Дело в том, что верифицируемость того или иного суждения независимо от количества проведенных испытаний не гарантирует достоверного результата, а указывает лишь на вероятностные корреляции между суждением и положением вещей. Но даже наличия одного-единственного факта, опровергающего теорию, достаточно, чтобы признать такую теорию ложной. Асимметрия между верификацией и фальсификацией свидетельствует о ненадежности эмпирических

подтверждений. Следовательно, принцип фальсифицируемости выступает более достоверным критерием научности знания. Из этого, однако, не следует, что сама концепция фальсифицируемости является научной, ведь сама она фальсификации не подлежит.

Как видно из краткого экскурса в историю позитивизма, ни на одном этапе развития позитивистской идеологии ее сторонникам не удавалось сформулировать общее правило, согласно которому было бы возможно однозначно разграничить научное и ненаучное знание, а также показать автономность науки от метафизики. Означает ли это, что четкой границы между научной и философской проблематикой не существует? Как представляется, позитивисты все же смогли продемонстрировать несколько важных вещей. Первый позитивизм научил тому, что научное и метафизическое знание принадлежит к различным уровням абстрактности, а значит, должно использоваться для решения разных задач. На этапе логического позитивизма стало понятно, что для научного дискурса пригодны только такие вопросы, на которые может быть дан однозначный ответ. Постпозитивизм в лице Поппера установил принцип, согласно которому научное знание, претендующее на объективность, не может вместе с тем претендовать на универсальность.

Для ясного понимания того, в каком направлении следует двигаться философии сознания, нужно не забывать, чем теория, нацеленная на изучение естественных феноменов, отличается от спекулятивной концепции. Целью спекулятивной философии выступает законченная метафизическая система не противоречащих друг другу убеждений, описывающих фундаментальные принципы реальности. Отличия метафизической концепции от эмпирической убедительно свидетельствуют о непрозрачности опыта спекулятивного применения рассудка к построению естественнонаучной теории. В отличие от метафизических построений, эмпирическая теория исполняет несколько «приземленные» задачи. Ее цель состоит в объяснении наблюдаемой действительности, с тем чтобы охватить наибольшее число объектов, принадлежащих какому-либо классу феноменов, и спрогнозировать, как эти объекты будут вести себя в будущем. Главное требование, которому должна соответствовать эмпирическая теория, сводится к критерию объяснительно-прогностической мощности. Если эмпирическая теория не предлагает такого объяснения описываемых ею объектов, которое позволяло бы эффективно предсказывать возникновение тех или иных эффектов, значит, теория эта требует доработки или переосмысления.

Философия сознания – там, где вопрос о фундаментальной теории до сих пор остается открытым, – пытается выработать метатеоретические принципы, объясняющие в общем и целом, каким образом следует развивать эмпирическую теорию сознания и какие методы при этом должны использоваться. Поэтому вопрос о будущем теории сознания в первую очередь связан с отсутствием рабочего метатеоретического задела. Метатеоретическая основа эмпирической теории складывается из двух аспектов, которые либо заданы по умолчанию, если речь идет об уже сложившейся области познания, либо определяются непосредственно за постановкой вопроса о сущности тех или иных явлений. Два важных вопроса, которые следует задать, прежде чем браться за исследование чего-либо: вопрос о предмете исследования и о методе. Специфика философской интерпретации предмета и метода познания

задается тремя тезисами – онтологическим, эпистемологическим и методологическим. Метатеория, таким образом, представляет собой некую модель, в которой данные тезисы, во-первых, согласуются друг с другом без противоречий и, во-вторых, адекватно отражают содержание известной предметной области. В общем виде все, что нужно знать о метатеоретических основаниях той или иной эмпирической концепции с точки зрения позитивной трактовки познания, сводится к простой философской формуле: объективные закономерные связи усматриваются из опыта посредством признака регулярности (повторяемости) явлений. Собственно, этим простым принципом и задается «верхняя» граница области применения эмпирической теории. И, само собой, не стоит ожидать от данной трактовки метафизической полноты.

Еще новоевропейские философы отмечали, что метатеоретические основания естественных наук не имеют последовательной метафизической интерпретации. Противоречие это надолго разделило спекулятивную и эмпирическую линии в философии, что только поспособствовало развитию научного метода. Как показал Поппер, требовать от науки достоверных результатов, значит не понимать самой ее сути. Для науки проблема индукции – не проблема; научные законы ничего не рассказывают о мире, не описывают и не объясняют реальность. Научные законы описывают более или менее вероятные отношения между суждениями, проистекающими из опыта. Опыт – понятие динамическое, и все производные от данного понятия положения будут иметь динамический характер, что и обеспечивает естествознанию возможность непрерывного развития «нижней» границы области своего применения. И нет ничего порочного в том, что эмпирическое естествознание не имеет последовательной метафизической основы, важно то, что наука демонстрирует результат. Наука работает.

Согласившись с тем, что сознание – это естественный феномен, и изучать его надо естественнонаучными методами, не остается ничего, кроме как вслед за Д. Деннетом признать, что спекулятивные концепции только мешают науке о сознании [7]. Если философия и может поспособствовать развитию данной науки, то все усилия на этом пути должны быть сосредоточены на создании рабочей метатеории, правдоподобно объясняющей, что такое сознание и как при всех равных прочих оно вписывается в эмпирическое естествознание. Сделать это при общем понимании проблемы не составит труда, если ясно представлять истоки всех разночтений. И главным источником разночтений нужно признать попытки исследователей создать спекулятивную теорию сознания. Попробуем проследить логику подобных инициатив.

Прошло достаточно времени с тех пор, как в работе, не претендующей на новизну смыслового контекста, Т. Нагель выступил против материалистической трактовки сознательного опыта [8]. Мнение о том, что антифизикалистская стратегия в философии сознания не удовлетворяет требованиям эмпирической науки, сегодня встречается все чаще. Цитирований Нагеля от этого меньше не становится. И в самом деле, каково это – быть летучей мышью? Вопрос, не требующий ответа за очевидностью посыла. Собственно, и сам автор знаменитой статьи приходит к выводу: сознательный опыт – дело субъективное. Конечно, многое можно узнать о сенсорных системах летучих мышей, физиологических и физических аспектах функционирования их нервной

системы, что, однако, при всей сознательности человеческого вида не способствует тому, чтобы хоть как-то приблизиться к ответу на поставленный вопрос. Ситуация, в которой однозначный ответ не налицо, может возникнуть по двум причинам: либо мы чего-то пока не знаем и потому не можем дать однозначный ответ, либо вопрос начисто лишен смысла. И прежде чем сложить всю ответственность на неполноту нашего знания, было бы неплохо изучить породивший неоднозначность вопрос на предмет противоречий. Для того чтобы ответить на вопрос «Каково это – быть летучей мышью?» так или иначе придется ответить на следующие вопросы:

1. Каково это – **не быть собой, но** быть летучей мышью?
2. Каково это – не быть собой, но быть чем-то другим?
3. Каково это – и быть, и не быть одновременно?
4. **Возможно ли, чтобы нечто было и не было одновременно?**

Пожалуй, комментарии тут излишни. Почему же риторический вопрос Нагеля так часто использовался и до сих пор используется в качестве иллюстрации непрозрачности сознательного опыта? Ведь принципиальной разницы между вопросами «What is it like to be a bat?» и «What is it like to be a nothing?» нет. Оба этих вопроса лишены смысла, что вместе с тем – и это нужно отчетливо понимать – не влечет за собой ложность антифизикалистских взглядов. Ведь если антифизикалисты так и не сумели сформулировать внятной проблемы, это совсем не означает, что они заблуждаются. К слову, именно этот спекулятивный зазор и позволят им проводить линию аргументации в защиту сознательного опыта.

Случилось так, что даже убежденный натуралист Деннет был вынужден признать, что аргументация антифизикалистов непостижимым образом ускользает от рассудительного истолкования, но вместе с тем не поддается однозначному опровержению [7]. В утрированной постмодернистской манере Деннет заключил: если феноменальное сознание и существует, то его опыт невыразим. Здравый смысл подсказывает, что опыт как таковой есть то, что может быть передано, а значит, выражено. Если нечто невыразимо, можно ли сказать об этом хоть что-то – хотя бы то, что оно есть? Разумно предположить, что роль такого теоретического конструкта как феноменальный опыт в изучении сознания так же несущественна, как иносказательность, с которой антифизикалисты подходят к формулированию «трудной» проблемы сознания. Если сознательный опыт – в том виде, в котором его отстаивают антифизикалисты, – все же существует, эмпирической науке в формате *from third person* до этого не должно быть никакого дела. Антифизикалисты полагают иначе, но ничего, что помогло бы исправить положение дел, не предлагают. С учетом отсутствия какого-либо метатеоретического тыла, единственное, что им остается, – защищать спекулятивный миф о сознательном опыте. Стоит отметить, пока это у них получается неплохо. На чем же основан этот миф?

Факт в том, что успехи антифизикализма за последние десятилетия основывались не на громких победах в борьбе за перспективную модель когнитивных исследований, но, скорее, на том, что условно можно было бы назвать формальной критикой оппозиционных взглядов. Схема, к которой антифизикалисты чаще всего обращаются для демонстрации ложности прервратно истолкованного ими же натурализма, всегда одна и та же: сознание существует, и, таким образом, физикализм ложен. Отечественные философы

переняли этот сомнительный прием у зарубежных коллег. Не остался в стороне даже В.В. Васильев, утверждающий, что сознание есть и с этим якобы нужно считаться [9]. Действительно, если сознание существует, с этим нужно считаться. Но, как известно, существование «феноменального» сознания пока не удалось доказать никому, равно как и существование мира за границами рефлексивных форм субъективности. В последнем случае это совсем не мешает естествознанию расширять свои горизонты.

В принципе, даже если физикализм ложен, из этого не следует, что сознание существует или, скажем, могло бы существовать в одной из альтернативных реальностей. Но почему-то антифизикалисты продолжают инвестировать свои силы в заведомо убыточное дело, создавая все больше бесплодных спекулятивных задач, которые, как им кажется, уж точно следует решить, прежде чем перед наукой о сознании откроются значимые перспективы. Спрашивается: правильно ли начинать теорию чего-либо с того, чтобы признать это что-то действительно существующим без малейших позитивных решений того, что это что-то действительно есть? Один из наиболее ярких представителей антифизикализма в современной философии сознания – Д. Чалмерс – считает, что это допустимо.

В работе «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» (1996) Чалмерс берется за решение непростой задачи – не только оправдать миф о сознательном опыте, но и заложить основы фундаментальной теории [2]. С самого начала современный философ ставит перед собой ограничения, два из которых, как может показаться, с трудом вписываются в логику единого проекта: во-первых, он поручается всерьез относиться к мифу о сознательном опыте и, во-вторых, принимает как данность то, что миф этот подлежит натуралистическому истолкованию. Но прежде чем показать перспективность данного пути, Чалмерс в несколько элегантных движений объясняет читателю ложность физикалистской доктрины. Аргумент следующий:

«1. В нашем мире существует сознательный опыт.

2. Имеется логически возможный мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты о сознании из нашего мира.

3. Поэтому факты о сознании – дополнительные факты нашего мира, обособленные от физических фактов.

4. Значит, материализм ложен» [2. С. 160].

Первое, что должно насторожить внимательного читателя, так это непринужденная легкость, с которой Чалмерс, по примеру его коллег, объявляет первую посылку своего аргумента отправной точкой рассуждения. Наверное, нет никакого смысла разбираться с внутренними мотивами, побуждающими исследователя развивать те или иные интуиции. Пусть будет так, считает Чалмерс, что в нашем мире сознательный опыт все же существует. Проблема не в этом. Если сознательный опыт действительно существует, почему бы сразу не сказать о том, что именно существует, помимо слов о том, что сознательный опыт существует? В предыдущей работе, посвященной критическому разбору данного аргумента, уже отмечалось, что за отсутствием каких-либо позитивных решений утверждение типа « x существует» в лучшем случае подходит для обозначения пропозициональной функции или логического класса. «Неважно, подразумеваем ли мы под ‘ x ’ сознание, единорогов, говорящую утку и т.п. До тех пор, пока нам ничего не известно об x ,

разговор о существовании логически возможного мира без x не имеет смысла... Сказать, что „В нашем мире существует сознательный опыт“ все равно, что сказать, что „В нашем мире существует *нечто*“, т.е. не сказать при этом ничего, что могло бы хоть что-то значить» [10. С. 95]. Уже на этапе первой посылки Чалмерс предлагает читателю спекулятивное решение задачи, которая, по его же мнению, должна решаться эмпирическим путем. Можно было бы списать данное недоразумение на ограниченность философского метода, если бы не следующее обстоятельство.

Обратим внимание на вторую посылку аргумента Чалмерса, начинающуюся со слов «Имеется логически возможный мир...» В пользу философской ясности перефразируем данное утверждение следующим образом: «Существуют логические объекты, такие что мир без сознательного опыта возможен». Согласившись с данной формулировкой, придется признать, что аргумент Чалмерса является состоятельным в том случае, если логическим объектам в его концепции приписывается онтологическая автономность. Без этого любое рассуждение о существовании логически возможных миров становится логически невозможным. Но ничего подобного в учении современного философа нет. Стало быть, нет необходимости разбирать аргумент Чалмерса дальше, к тому же ранее это уже было сделано [Там же].

Как видно, критика физикализма и развиваемая за ней антифизикалистская концепция сознания не могут быть состоятельными. Спекулятивный посыл, не имеющий завершённой метафизической интерпретации, приводит к необходимости признания абстрактных сущностей; в противном случае необходимость логического следования отпадает, и аргумент теряет силу. Придать убедительность подобным теоретическим построениям могла бы последовательная логико-семантическая концепция универсалистского толка. Как представляется, любое учение, претендующее на полноту и всеобщность декларируемых принципов, не может обойтись без релевантной данным принципам онтоэпистемологической доктрины, вмещающей в себя не только общие положения о субстанции и причинности, но и правила функционирования языка – как на уровне синтаксиса, так и семантики. К слову, существует мнение, что последовательная концепция сознания может быть исключительно универсалистской [11]. Если это действительно так, то единственным решением проблемы сознания, а точнее, «трудной» ее части, становится спекулятивная концепция.

В свете предыдущих рассуждений такой поворот обесценивает потребность в работающей теории сознания. Поскольку же консенсус на этот счет давно достигнут и теория сознания должна быть эмпирической, при общем понимании проблемы не составит труда отказаться от недостижимого идеала законченной философской системы. Если философия мешает науке о сознании, то связано это, прежде всего, с удивительной склонностью человеческого разума к непрестанному оправданию перед лицом собственного несовершенства. Понять нужно одно: наука не учит тому, как устроен мир. Наука о сознании этому также учить не должна.

Литература

1. *Dennett D.C. Consciousness Explained.* Boston : Little, Brown and Company, 1991. 511 p.
2. *Чалмерс Д. Сознательный ум : в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева.* М. : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

3. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / пер. с франц. И.А. Шапиро. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 256 с.
4. Степин В.С. История и философия науки. М. : Академический проект : Трикта, 2011. 423 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. Ч. 1. 612 с.
6. Поннер К. Логика научного исследования : пер. с англ. / под общ. ред. В.Н. Садовского. М. : Республика, 2004. 447 с.
7. Dennett D.C. Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness. MIT Press, 2005. 199 p.
8. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435–450.
9. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
10. Антух Г.Г. О самопротиворечивости антифизикализма в теории сознания Д. Чалмерса // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 92–102.
11. Ладов В.А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 5–14.

DOI: 10.17223/1998863X/52/1

THE CRITICISM OF THE ANTI-PHYSICALISM PROGRAM IN THE MODERN PHILOSOPHY OF MIND

Keywords: theory of consciousness; metaphysics; positivism; anti-physicalism; Dennett; Nagel; Chalmers.

The problem of the philosophical foundations of the theory of mind in the context of the relation of philosophical and scientific knowledge is considered. The question on the practical meaning of metaphysics is discussed in a brief review of the development of positivist views. The specifics of Auguste Comte's orthodox doctrine in the first positivism, the verificationist epistemology in logical positivism and Karl Popper's falsificationism in postpositivism are demonstrated. An analysis of the positivist project shows that it does not propose a clear solution to the problem of demarcation of scientific and non-scientific knowledge. The main difficulty in this regard is the reflective nature of positivist propositions the influence of which does not extend to their own content. However, positivists were able to demonstrate several important things. The first positivism taught that scientific and metaphysical knowledge belongs to different levels of abstraction and, therefore, should be used to solve different problems. At the stage of logical positivism, it became clear that only such questions are suitable for scientific discourse that can be answered unequivocally. Postpositivism in the person of Karl Popper established the principle that scientific knowledge which claims to be objective cannot at the same time claim to be universal. On the basis of the arguments presented, a general rule of demarcation of scientific and speculative knowledge is formulated. This rule applies to the anti-physicalist doctrine in the philosophy of mind, which allows identifying the speculative context in modern discussions about the ontological status of conscious experience. An illustration of this is Thomas Nagel's anti-physicalist position and David Chalmers's critical argument against physicalism. Daniel Dennett's opinion that speculative concepts obstruct the science of mind is reinforced by the obtained results. The conclusion is made about the non-scientificity of the anti-physicalist approach to the question of a unified theory of mind.

References

1. Dennett, D.C. (1991) *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company.
2. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Translated from English by V.V. Vasiliev. Moscow: URSS; LIBROKOM.

3. Comte, O. (2003) *Dukh pozitivnoy filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii* [The Spirit of Positive Philosophy. A Word about Positive Thinking]. Translated from French by I.A. Shapiro. Rostov on the Don: Feniks.
4. Stepin, V.S. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta.
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
6. Popper, K. (2004) *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Research]. Translated from English. Moscow: Respublika.
7. Dennett, D.C. (2005) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. Boston: MIT Press.
8. Nagel, T. (1974) What Is It Like to Be a Bat? *Philosophical Review*. 83. pp. 435–450. DOI: 10.2307/2183914
9. Vasiliev, V.V. (2009) *Trudnaya problema soznaniya* [A Difficult Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Antukh, G.G. (2018) On self-contradiction of antiphysicalism in David Chalmers' theory of consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 92–102. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/10
11. Ladov, V.A. (2008) *Illyuziya znacheniya: problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [Illusion of Meaning: The Problem of Following the Rule in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.